

КОНЕЦ ПРИВЫЧНОГО МИРА

Путеводитель журнала «Нож»
по новой этике, новым отношениям
и новой справедливости

Коллектив авторов
Таня Коэн
Серое Фиолетовое
Екатерина Иванова
Артем Чапаев
Настя Травкина

Конец привычного мира.
Путеводитель журнала
«Нож» по новой этике,
новым отношениям и
новой справедливости

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63420871

*Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости: Альпина нон-фикшн; Москва; 2021
ISBN 9785001393979*

Аннотация

Окружающий нас мир изменился неожиданно, но, по всей видимости, бесповоротно: очевидно, что новая этика, #MeToo, культура согласия и т. д. – не сиюминутная мода, а долгосрочные тенденции, определяющие то, как мы живем сегодня, и в еще большей степени то, как мы будем жить завтра.

Журнал «Нож» пристально следит за новыми трендами, анализирует их и уже во второй раз (первая книга избранных статей «Ножа», «Как понять себя и мир?», вышла в прошлом году) предлагает читателям своего рода путеводитель по состоявшимся и грядущим переменам, с которыми рано или поздно столкнется каждый.

Содержание

От редакции	9
Раздел 1	15
Анастасия Бабаш	17
Почему тема согласия стала такой актуальной?	17
Зачем размышлять о согласии?	19
И что непонятного в согласии?	20
При чем тут философия?	21
Что такое поведенческая теория согласия?	22
Что такое субъективная теория согласия?	24
Есть ли «правильное» согласие?	26
Кто может дать согласие?	27
Какое согласие имеет силу?	28
Для кого важно действительное согласие?	30
Что почитать, чтобы узнать больше о согласии	32
Наталья Ульянова	34
Модель «Нет значит нет»	37
Модель «Да значит да»	38
Как изменилось понятие насилия в законах	39
Как идея согласия появилась в гуманистической психологии	43
Почему идея согласия встречается	47

сопротивление в обществе	49
Базовые принципы согласия	53
Анастасия Бабаш	54
Разрешить, нельзя запретить	57
Конец ознакомительного фрагмента.	

**Т. Коэн, Е. Иванова, Н.
Травкина, А. Чапаев,
Серое Фиолетовое
Конец привычного мира.
Путеводитель журнала
«Нож» по новой этике,
новым отношениям и
новой справедливости**

Авторы-составители: Таня Коэн, Екатерина Иванова,
Настя Травкина, Артем Чапаев, Серое Фиолетовое

Журнал «Нож» – knife.media

Издатель *П. Подкосов*

Менеджер проекта *А. Шувалова*

Литературный редактор *М. Нагришко*

Корректор *И. Астапкина*

Художник *Е. Ставицкая*

Компьютерная верстка *Ф. Растворов*

© ООО «Дом медиа», 2020

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Таня Коэн

Екатерина Иванова

Настя Травкина

Артем Чапаев

Серое Фиолетовое

Конец привычного мира

Путеводитель журнала
«Нож» по новой этике,
новым отношениям
и новой справедливости

От редакции

В XX столетии мир полностью изменился, но уже первое десятилетие нынешнего века показало, что нам предстоят еще более масштабные перемены – не только в сфере технологий, но и в общественных отношениях. Некоторые сдвиги последних лет оказались настолько радикальными, что мало кто пока может по-настоящему оценить их значение и возможные последствия. Правила жизни в новом мире нам еще только предстоит сформулировать – и эта книга посвящена тем тенденциям, в которых необходимо разобраться, чтобы встретить стремительно наступающее будущее во всеоружии.

Повсеместное проникновение интернета дало людям бесконечные возможности для саморазвития и самореализации. Социальные сети связали между собой тех, кто разделен пространством, каждый получил возможность ощутить связь с человечеством, сравнить собственные идеи и ценности с убеждениями других. Следующим шагом стало формирование в интернете инфраструктуры, которая запустит и будет поддерживать новую волну социальных перемен.

Коллективно пополняемые информационные ресурсы, независимые блоги, чаты в защищенных мессенджерах и популярные хештеги превращают каждый акт коммуникации в каплю, которая вливается в общий поток. В итоге на любую

личную трагедию могут откликнуться тысячи сочувствующих по всему миру, любое частное высказывание может вызвать реакцию, сопоставимую по последствиям с влиянием крупнейших СМИ и работой высокооплачиваемых специалистов, формирующих общественное мнение. Кампании в соцсетях помогают спасать жизни, привлекают внимание к вопиющим проявлениям жестокости и несправедливости и дают возможность противостоять влиятельным людям и организациям, слишком явно игнорирующим правила человеческого общежития. Но при этом они же выращивают радикалов, разрушают жизни, собирают лояльную аудиторию вокруг мошеннических проектов, плодят фейки и способствуют распространению мракобесия. Массы получили возможность говорить во весь голос и без посредников, но всегда ли они в состоянии рационально использовать обрушившиеся на них возможности?

Равный доступ к информации, простота в создании и распространении контента, отсутствие саморегуляции интернетсообществ и зачастую алогичная политика соцсетей, основанная на алгоритмах (Facebook одной рукой банит за изображения античных статуй, поскольку они неодеты, а другой размещает рекламу эротических услуг), приводят к перераспределению влияния: от квалифицированных экспертов с глубокими знаниями и опытом оно постепенно переходит к тем, кто лучше умеет упаковывать и подавать информацию, кто пишет быстрее и драматичнее, шутит народ-

нее, выглядит ярче, кричит громче и помнит, что аудиторию всегда можно купить. Многие ли выиграют от того, что подобные «популисты» станут определять вектор развития мира?

Такое переформатирование публичного пространства вкупе с падением влияния традиционных медиа приводит к появлению невиданного доселе пространства возможностей. В нем можно как манипулировать социумом в интересах крупного капитала, так и устраивать информационные бури в частном порядке и без особых затрат, а пиар-специалистам и политтехнологам всего проще подменять решение проблем в реальном мире их виртуальными обсуждениями.

Столь популярная сейчас новая этика – плод благих намерений, который в теории должен безупречно служить гуманизму и прогрессу. При этом она сводится к ограниченному набору практик для установления равноправия и ликвидации малейших проявлений несправедливости, которые по факту производят заодно новую несправедливость и новых недовольных. Мы не можем игнорировать эту тенденцию и должны стремиться к тому, чтобы просветительская работа с анализом всех возможных нюансов и противоречий послужила более вдумчивому и рациональному применению этой этики.

Безусловно, угнетенным группам нужны не только равные права, закрепленные в законодательстве, но и реально работающие инструменты их реализации, эффективные способы,

позволяющие избежать насилия, дискриминации и исключения из значимых социальных процессов. Однако, чтобы инструменты новой этики заработали, активистам придется и действовать поновому: не допускать, чтобы борьба с угнетением превращалась в угнетение угнетателей, ориентироваться на изменение законодательных норм, а не на остракизм отдельных персон, апеллировать к рациональным доводам, а не к эмоциям, и объединяться ради системных изменений.

Отрицательные стороны новой этики – это, по сути, наследие этики старой, которая, будучи неотделимой от духа капитализма (воспевающего победителей и неизбежно порождающего проигравших), дала нам лишь ограниченный гуманизм и недостаточную способность к сопереживанию тем, кто так или иначе от нас отличается. Отсюда и перегибы, которые приводят к поляризации общества: вчерашние аутсайдеры, взобравшись наверх, начинают дискриминировать оказавшихся внизу так же, как прежде дискриминировали их.

Мы полагаем, что в этих условиях особенно важно сформировать общий язык, который бы адекватно описывал происходящее, и выработать инструменты для взвешенной оценки проблем и их потенциальных решений – в масштабах всего человечества, а не отдельных групп. Это возможно лишь с привлечением экспертов и на основе данных исследований, рациональных дискуссий и достоверной информации о текущих реалиях – все это следует смешать и подавать,

щедро полив критическим мышлением.

В этой книге мы постарались не только рассказать о новых тенденциях в развитии общества и о социальных феноменах последних лет, но и осветить их теневую сторону, которую часто предпочитают не замечать. Так, переоцененная массовой культурой способность к эмпатии не только порождает доброе отношение к ближнему, но и позволяет навязывать ему свои взгляды и решения, а позиция жертвы не только дает возможность требовать расплаты с обидчиком, но и нередко развязывает пострадавшему руки и превращает жертву в насильника.

Во многих частях этой книги так или иначе затрагивается тема психологических границ и баланса между правом одних и свободой других – важнейшая проблема современности, которая лежит в основе ключевых общественных движений наших дней, от канселлинга до BLM, от борьбы за возможность самостоятельно определять свой гендер или обходиться без него до обусловленного экологической ситуацией выбора между бытовым комфортом и выживанием наших потомков. В определенной степени и другие нововведения затрагивают свободу самовыражения: кого-то раздражают люди, которым комфортно без пары, кто-то считает блажью домашнее обучение, кому-то досадно от мысли, что все вокруг ориентируются на миллениалов и малопонятное поколение Z, забывая, что люди предшествующих поколений тоже важны. Одни закрывают глаза на происходящее на рын-

ке труда и нервно твердят, что роботам никогда их не заменить, вторые возмущаются ограничениями, которые государства накладывают на их жизнь в рамках борьбы с пандемией коронавируса, а третьи пытаются подавить в себе чувства к симпатичному преподавателю, который теперь вынужден общаться со студентками подчеркнуто сухо.

Любые изменения такого рода кому-то придутся не по вкусу и вызовут эмоциональную реакцию, которая в обществе победивших соцсетей распространяется подобно ударной волне. Именно поэтому мы решили выпустить эту книгу: чтобы предложить альтернативу хаосу эмоций. Рациональные аргументы, критическое мышление и взвешенная дискуссия – изобретение не очень новое и не очень модное, но по-прежнему незаменимое.

Раздел 1

Культура согласия

Культура согласия – одно из важнейших понятий, которые появились в общественном дискурсе за последние несколько лет. Ее противопоставляют культуре насилия – физического и психологического, сексуального принуждения и манипуляции человеком с корыстными целями. Культура согласия предполагает такую этическую систему, в рамках которой люди взаимодействуют исключительно по обоюдному уговору и полностью отдают себе отчет в том, как нужно отказывать и принимать отказы.

Теоретически – звучит просто, ничего нового тут нет. Однако на практике оказывается, что у наших современников все еще полно вредных предрассудков и укоренившихся привычек, чреватых злоупотреблениями. Например, известное выражение гласит: «Когда женщина говорит "нет", это означает "может быть", когда говорит "может быть", это значит "да"». Представители старших поколений воспринимают его как шутку о женском кокетстве – а современные девушки возразят, что это карт-бланш на изнасилование для не слишком интеллектуальных мужчин.

В этом разделе мы разберем, что значит согласие с философской точки зрения (все гораздо сложнее, чем кажется).

ся), как это понятие осмысляется применительно к практикам сексуальности (нет, никто всерьез не предлагает подписывать договор перед близостью) и почему отношения между студентами и преподавателями, которые находятся в этической серой зоне, едва ли стоит огульно переводить в зону черную: хотя нормализовать их по одному простому шаблону не получается, из этого следует не то, что согласие переоценено, а то, что нам еще многое предстоит осознать, принять и изменить.

Анастасия Бабаш

Говори «да» как философ: почему проблема согласия так важна сегодня и как ее решают ученые

Чаще всего мы слышим о согласии от феминисток и секс-блогеров – важно спрашивать у партнеров, хотят ли они заняться сексом. Однако проблема согласия гораздо шире: «да» в ЗАГСе изменит ваш правовой статус, а бездумно поставленная в пользовательском соглашении галочка приведет к утечке персональных данных. Отсюда растут ноги современной философии согласия, одна из главных задач которой – научить нас взаимодействовать так, чтобы «да» не принималось за «нет», а «нет» за «да».

Почему тема согласия стала такой актуальной?

Согласие становится одной из главных правовых и моральных проблем эпохи Четвертой промышленной революции. Мы все больше используем технологии в разных сферах жизни, и, как следствие, они знают о нас даже больше, чем

родные мама и папа: где мы, что делаем, как долго, с кем и о чем общаемся.

Защита личных данных и то, что именно мы разрешаем технологиям делать с персональной информацией, – частные вопросы согласия.

Мы добровольно регистрируемся в социальных сетях и используем их как инструменты общения, но это вовсе не означает, что мы согласны, чтобы все наши переписки, фотографии и видео владельцы соцсети использовали в своих целях. Мы хотим конфиденциальности и приватности, а потому неудивительно, что споры о согласии на предоставление личной информации становятся все более актуальны: в Европе принимаются законы о защите личных данных, в Америке судятся с Facebook из-за того, что компания собирала и продавала информацию о пользователях без их ведома.

О согласии заговорили в нашу эпоху еще и потому, что все больше людей могут давать или не давать согласие – вернее, согласие и несогласие все больших групп людей учитывается. Еще сто лет назад женщин, детей, чернокожих и другие незащищенные группы людей ни о чем не спрашивали.

Да и отношение между государством и его гражданами не так давно было другим: о том, что политики, принимая решения, прежде всего должны опираться на волю своих сограждан, заговорили относительно недавно, в Новое время. В Средние века считалось¹, что власть правителя дана ему

Богом, а потому ему не нужно заручаться согласием своего народа. Древнегреческий философ Платон писал, что государством должны управлять самые мудрые (такowymi он считал философов), в то время как все остальные не должны мешать их работе (читай: никто их ни о чем спрашивать не должен). Схожих взглядов придерживался и Аристотель, который опасался, что власть будет спрашивать согласия у слишком большого количества людей. Согласие раньше было мало популярной темой, так как его вообще редко кто спрашивал.

Зачем размышлять о согласии?

У нас есть интуитивное понимание, что такое согласие. Чаще всего мы определяем его так: соглашаться – это добровольно разрешать другому человеку или группе людей сделать что-то такое, что обычно не разрешено и напрямую касается нас и наших прав.

Например, мы даем согласие парикмахеру поменять нам прическу и ожидаем, что тот нас подстрижет, – а без нашего согласия парикмахер, гоняющийся за нами с ножницами, выглядит, мягко говоря, ненормально, и мы можем подать на него в суд. Мы говорим другу «да» – он приходит к нам в гости, и мы отлично проводим время, а вот нежелательным и неожиданным гостям вряд ли будем рады.

Философы любят говорить, что согласие – это «моральная магия»: оно превращает то, что раньше было запрещено, в разрешенное.

Парковаться на чужом месте – плохо, но если сосед дал согласие – хорошо. Тащить человека за руку по парку без его согласия – это насилие, но если он согласился – то свидание.

Согласие – это основа любой этической и социальной теории. Его также изучают в юриспруденции, бизнесе и биоэтике.

Благодаря согласию мы можем жить в обществе и работать сообща, строить личные и профессиональные отношения, а потому нам всем так важно выяснить, что же такое согласие, кто может это согласие давать и как отличить все те ситуации, когда согласие было дано, а когда – его не было.

И что непонятного в согласии?

Обычно наше «да» значит «да» – и ничего больше. В идеале обе стороны соглашения должны это понимать и слышать друг друга. Но наша культура, социальные роли, стереотипы, правила и многое другое вносят свои коррективы: и иногда, говоря «да», люди могут иметь в виду «нет».

Например, современный британский философ Том Догерти в коротком видео для Wireless Philosophy объясняет², почему согласие не всегда означает на самом деле желание

---

² <https://www.youtube.com/watch?v=CQ9SPqIzVo4&feature=youtu.be>

делать (или не делать) что-то. Мы можем не любить коллегу, но, поскольку того требуют правила приличия (или мы просто не хотим вступать в открытый конфликт), согласимся прийти к нему на вечеринку – даже если нам хочется сказать «нет».

Иногда мы можем говорить «нет», хотя на самом деле имеем в виду «да». Например, если мы не хотим приглашать всю компанию на чай, то откажем в приглашении домой всем, даже если среди приятелей есть и те, с кем мы не против продолжить вечер.

Конечно, в идеальном обществе все будут соглашаться, только если действительно этого хотят, и отказываться, если не хотят. Но пока нам стоит помнить обо всех этих нелогичных случаях и включать их в теорию, чтобы она была полной и описывала не только воображаемый идеальный мир.

При чем тут философия?

Для всяких спорных случаев есть юриспруденция. А вот то, как понимается согласие законом, зависит от конкретной культурной и социальной ситуации. Если в обществе женщины не считаются равноправными членами, то их даже спрашивать о согласии не будут, а значит, просто исключат из теории. Даже если в недавнем прошлом это могло показаться справедливым, сейчас это не так – и все благодаря постоянной критике и рефлексии, чем философия и этика зани-

маются.

Эти дисциплины рассматривают даже те случаи, о которых мы можем и не задумываться как о случаях согласия. Например, могут ли давать согласие дети – своим родителям; в чем отличие словесного согласия от кивка головы или улыбки; навязывает ли нам что-то контекстная реклама – или мы сами соглашаемся купить товар, и т. д.

Это помогает глубже понять природу согласия, чтобы попытаться определить его в целом, а не для конкретного общества.

Современные философы выдвинули две теории согласия: поведенческую (expressive/behavioral/performative theory of consent) и субъективную (mental/attitudinal/subjective theory of consent).

Что такое поведенческая теория согласия?

В соответствии с поведенческой теорией для согласия всегда нужны две составляющие:

- **наше внутреннее «да», то есть наше желание что-то делать или не делать;**
- **вербальное или невербальное выражение этого «да», то есть произнесение согласия вслух, кивок головы, улыбка, подписание бумаг и т. д.**

В целом согласие в реальной жизни как-то так и выглядит:

мы мысленно соглашаемся на что-то, а затем удобным для нас образом доносим это до собеседника с помощью речи или жестов.

Философы, которые поддерживают эту теорию, например Алан Вертхаймер, акцентируют³ внимание на выражающем аспекте и считают его необходимым для того, чтобы согласие состоялось. Однако они спорят о том, как же его выражать правильно.

Невербальный язык и жесты могут означать разное: иногда улыбка – это просто улыбка, а кивок головы – всего лишь подтверждение, что мы внимательно слушаем собеседника, но не согласие с тем, что он говорит. С невербальными жестами вообще нужно быть осторожными: не стоит забывать про культурные различия и индивидуальные особенности.

Потому некоторые исследователи поведенческой теории согласия настаивают: выражение согласия должно быть только вербальным. Улыбки, кивки и другие невербальные жесты – слишком двусмысленны и ненадежны, а потому уж лучше повториться и сказать «да», даже если жесты и так это за тебя сказали. Ведь в противном случае цена слишком высока: нарушение морали, а иногда и закона.

Впрочем, за это защитников данной теории и критикуют: не всегда есть время или возможность переспросить, некоторых людей это раздражает и портит момент, да и, в кон-

це концов, проблема понимания других людей, их речи, жестов и поступков – это не только проблема согласия. Ученые и философы исследуют, какую роль играет коммуникация в понимании других людей и их желаний и как же нам это понимание улучшить.

Что такое субъективная теория согласия?

Выражающий аспект согласия проблематичен, поэтому часть философов предлагают его вообще отбросить как необязательный. Конечно, хорошо, когда согласие еще подкреплено словами или невербальными знаками, но самое главное – это всетаки наше внутреннее «да».

Например, если мы внутренне согласны пойти в кино и вообще хотим этого, а наш партнер нас туда отводит не спрашивая, это не является насилием. В конце концов, если бы нам приходилось спрашивать обо всем на свете, мы огромную часть жизни проводили бы в подобных уточняющих разговорах.

Из-за того, что ментальная теория согласия фокусируется только на наших мыслях, желаниях и чувствах, такое согласие трудно изучать. Иногда мы и сами не знаем, согласны мы или нет. Что уж говорить о случаях, когда сначала мы согласились, а потом передумали? Пока что у исследователей нет однозначного ответа, как рассматривать такие ситуации.

Кроме того, теоретики, работающие в рамках этой теории, спорят об отличиях согласия, данного под влиянием чувств, и согласия как рационального взвешенного решения⁴. Например, Катя любит Петю, и тот целует ее в парке под луной. Девушка не против, потому что она влюблена и хочет физической близости, однако ее согласие – не результат взвешенного продуманного решения: гормоны, чувства, эмоции, романтический контекст подтолкнули ее к тому, чтобы хотеть этого. Совсем другое дело, когда Катя соглашается написать статью: она понимает, что статья станет отличным стартом для ее карьеры, а также поможет ей развиваться в профессиональном плане. Ее согласие на этот раз – результат рационального решения, принятого не под влиянием чувств.

Выдуманная ситуация с Катей не кажется такой уж проблемной: мы много чего делаем под влиянием эмоций, а не одного только разума, и это не всегда портит жизнь. Но важно помнить, что эти два вида согласия отличаются, да и сама Катя будет по-разному их оценивать.

Большой вклад в философию согласия внесли споры о том, можно ли оценивать вызывающую одежду или определенное поведение как согласие на секс или даже призыв к сексу. Этот вопрос обсуждается в основном в рамках поведенческой теории, потому что показывает важность вербального выражения согласия.

Распространенность стереотипа о том, что по виду и поведению можно «считать» согласие, приводит не только к неприятным конфузам и скандалам, но и к случаям насилия. Это показывает, что невербальные знаки – слишком двусмысленны и считываются разными людьми по-разному в зависимости от их культуры, воспитания и жизненного опыта. Потому не стоит воспринимать определенный вид или поведение как невербальный знак, а лучше заручиться вербальным выражением.

Есть ли «правильное» согласие?

Как видите, согласие – это не так уж просто, поэтому стоит учитывать личность человека, отношения, контекст и культуру, давая или спрашивая согласие.

Упомянутый выше философ Том Догерти вообще предлагает думать о согласии не как о двух противоположностях «да» и «нет», а как о спектре. Давая согласие в реальной жизни, мы обычно попадаем куда-то между ними, например, склоняемся больше к «да», чем к «нет», или вообще оказываемся ближе к середине, сомневаясь.

Нужно уметь определять примерную точку на этом спектре, чтобы принимать верные решения.

Кто может дать согласие?

Согласие могут давать не все, не всегда и не на все.

Для того чтобы соглашаться, нам нужно обладать автономией, то есть способностью распоряжаться самостоятельно своей жизнью и делать то, что нам хочется. Кроме того, общество должно признавать за нами нашу автономию: уважать наш выбор и позволять нам поступать в соответствии с ним.

Когда еще столетие назад у женщин не было прав в обществе, они не обладали автономией, а значит, не могли соглашаться в современном понимании: их «да» было всего лишь формальностью. Например, это не Маша соглашалась на брак – за нее это делали родители.

Кроме того, не на все можно и согласиться. Британский философ XIX столетия Джон Стюарт Милль пишет, что мы не можем согласиться на отречение от своей свободы и автономии, ведь с того момента, как мы на это согласились, мы утрачиваем их навсегда. Но автономия и свобода – базовые ценности, это условия для того, чтобы мы вообще могли соглашаться на что-то. Потому из них нельзя сделать объект согласия.

«Действия индивидуума, касающиеся только его самого, признаются не подлежащими ничьему вмешательству единственно из уважения к его

индивидуальной свободе; <...>. Но продажа себя в рабство есть отречение от своей свободы; это — такой акт свободной воли индивидуума, которым он навсегда отрекается от пользования своей свободой, и, следовательно, совершая этот акт, он сам уничтожает то основание, которым устанавливается признание за ним права устраивать свою жизнь по своему усмотрению. С минуты совершения этого акта он перестает быть свободным и ставит себя в такое положение, которое не допускает даже возможности предположить, чтобы он мог оставаться в нем по своей воле».

Джон Стюарт Милль, «О свободе»

Впрочем, автономию и свободу мы признаем не за всеми: маленькие дети не обладают ими в том же объеме, что и взрослые. Да и сами взрослые в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотиков вряд ли способны принимать адекватные решения, а потому теоретики изучают такое понятие, как имеющее силу согласие (valid consent).

Какое согласие имеет силу?

Согласие считается действительным, если выполняются такие критерии:

- у тех, кто его дает, есть все необходимые когнитивные способности для этого. Проще говоря, это взрослые люди, мыслящие рационально и не находящиеся под влиянием каких-либо затуманивающих ра-

зум веществ. Дети, люди с психиатрическими заболеваниями, пьяные и т. д. не могут трезво оценить ситуацию, а значит, не могут дать имеющее силу согласие;

● те, кто соглашается, должны делать это добровольно. Если я соглашаюсь на что-то под дулом пистолета, понятное дело, мое согласие не может считаться настоящим. Согласие, полученное в результате любого рода насилия, в том числе психологического, не считается действительным;

● люди, соглашающиеся на что-то, должны обладать полной и достоверной информацией относительно того, на что они соглашаются. То есть, если я прошу моего соседа присмотреть за моим котом, не сообщая ему, что у меня, вообще-то, не один, а пять котов, мой сосед не может дать действительное согласие: ведь он не знает всех деталей. Сюда же, конечно, относятся все те случаи, когда мы обманываем или что-то не договариваем, манипулируем и не рассказываем все честно с целью склонить ситуацию в свою пользу. Даже если люди соглашаются на что-то в таком случае – их согласие недействительно.

Однако не все теоретики согласны со всеми этими критериями, да и не всегда в реальной жизни их возможно выполнить. Например, мы часто соглашаемся на что-то, когда пьяны, и не всегда так уж жалеем о нашем решении, как это представляют философы, которые утверждают, что только

трезво мыслящие люди могут давать настоящее согласие.

Много споров ведется о том, могут ли люди с психиатрическими заболеваниями давать согласие или нет. Некоторые философы, например Лиция Карлсон⁵, считают, что несправедливо отказывать им в праве на согласие и таким образом относиться к ним как к детям.

Впрочем, и с детьми не все понятно. Определить, в каком возрасте мы становимся полноценными взрослыми, — та еще задача, и наши взгляды на нее постоянно меняются: с одной стороны, возраст сексуального согласия стал ниже, с другой — психологи все больше говорят о том, что миллениалы поздно взрослеют. А потому нельзя сказать, что теория действительного согласия окончательно сложилась: она все еще разрабатывается.

Для кого важно действительное согласие?

Все эти критерии согласия важны для юристов, ведь для того, чтобы договор вступил в силу, стороны должны рационально оценить ситуацию, знать все детали, а также дать согласие добровольно.

Например, в Европе недавно пересмотрели закон и запретили писать длинные и непонятные условия пользовательских соглашений, полные сложных юридических терминов.

---

⁵ <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9973.2009.01599.x>

Важно, чтобы пользователь продукта или услуг точно понимал и знал, на что он соглашается, а потому условия соглашений должны быть короткими и понятными для непрофессионала.

Также о действительном согласии много говорят биоэтики и философы, занимающиеся этикой медицины⁶. В современном мире важно, чтобы пациент давал свое действительное согласие на медицинские процедуры; если он по каким-либо причинам не может этого сделать – за него согласие дают родственники или доверенное лицо.

А ведь еще до Второй мировой войны в медицинской этике действовало правило «врач знает лучше», в некоторых странах это до сих пор актуально, а древнегреческий врач Гиппократ вообще советовал:

«Делайте все спокойно и упорядоченно, скрывая большинство вещей от пациента, пока его лечите. Давайте только ту поддержку, которая нужна, отвлекая его внимание от собственных обстоятельств; в одном случае упрекайте его резко и строго, а в другом – утешайте его заботой и вниманием, не раскрывая ничего о его будущем или настоящем состоянии».

Гиппократ, Decorum

Врач должен был лгать пациенту о его состоянии, если это шло на пользу лечению, ведь пациенту отказывали в автономии.

---

⁶ <https://plato.stanford.edu/entries/informed-consent/>

Все поменялось после Нюрнбергских процессов, когда было принято решение предотвратить любые манипуляции и насилие со стороны врачей. Теперь в медицине пациент имеет право знать все подробности своей ситуации и самостоятельно соглашаться или отказываться от процедур.

Что почитать, чтобы узнать больше о согласии

Мы все еще мало что знаем о согласии. Лишь недавно его стали изучать как самостоятельный термин в этике и философии, а потому предстоит провести еще много исследований, чтобы уточнить и улучшить согласие между людьми.

Вот список современных научных статей в открытом доступе, посвященных согласию:

John Danaher

Philosophy of Consent and Sexual Assault⁷

По ссылке – собрание статей современного аналитического философа Джона Данахера, посвященных согласию на секс. В них он разбирает и сложные случаи, например согласие на секс, если кто-то из партнеров пьян или же когда один из партнеров обманывает другого. Кроме того, он рассуждает о том, что известный философ Джон Роулз сказал бы о согласии на секс.

---

⁷ <https://philosophicaldisquisitions.blogspot.com/2015/10/philosophy-of-consent-and-sexual.html>

Robin West

Sex, Law and Consent⁸

Статья посвящена разбору согласия на секс и того, как это применяется в этике и праве. Уэст также исследует, как желание может повлиять на нашу оценку секса, который случился без согласия, и возможно ли хотеть секса, но при этом на него не соглашаться.

Joseph Millum, Danielle Bromwich

Understanding, Communication, and Consent⁹

В этой статье философы Миллум и Бромвич обсуждают достоверное согласие и то, какую информацию нужно предоставить, чтобы оно состоялось.

Nafsika Athanassoulis

The role of consent in sado-masochistic practices¹⁰

Атанассоулис разбирает частный случай согласия на насилие в БДСМ-практиках и его особенности.

---

⁸

https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1073&context=fwps_papers

⁹

<https://philarchive.org/archive/MILUCA-4>

¹⁰

<https://philpapers.org/rec/ATHTRO>

Наталья Ульянова

Нет значит нет: как культура согласия меняет наше общение и психологию

Значимость согласия для многих сегодня уже очевидна – для многих, но далеко не для всех. Путь, ведущий от культуры насилия к культуре согласия, не так уж прост: только благодаря развитию и популяризации определенных философских идей установка «нет значит нет» приобрела существенный вес, а те изменения, которые с ее помощью происходят в нашей психологии прямо сейчас, рано или поздно коснутся каждого.

Волна историй, объединенных хештегами #MeToo и #янебоюсьсказать¹¹, подняла в обществе крайне важный вопрос о границах допустимого в общении – особенно в общении с романтическим подтекстом. Представления о том, что можно и что нельзя, могут быть совершенно разными даже у людей, живущих в одном и том же правовом и культурном поле.

Если вы хоть раз читали комментарии к новостям об изнасиловании, наверняка встречали такое: «Да она сама этого

---

¹¹

<https://novayagazeta.ru/articles/2016/07/12/69241-nenasilie-mozhet-i-imeet-pravo-stat-natsionalnoy-ideey>

хотела, а теперь строит из себя жертву!» Это ярко иллюстрирует, каким магическим действием обладает согласие: его предполагаемое наличие может превратить уголовное преступление в ничего не значащий эпизод. Поэтому сейчас, когда мы только учимся определять границы согласия, вопрос о том, что это такое, вызывает ожесточенные споры не только в соцсетях, но и в научных и общественных кругах. Почему так происходит?

Давайте вспомним, как культура насилия сменилась культурой согласия и в законах каких стран это отразилось.

Понятие «культура согласия» (consent culture¹²) появилось благодаря феминистскому дискурсу. Исследовательницы противопоставляют его социальному феномену «культура насилия» (rape culture¹³) – это поощрение и нормализация отношений, построенных по принципу «кто сильнее, тот и прав».

Самые важные черты культуры насилия:

● **возложение ответственности на жертву – многочисленные «Сама виновата», «Знала, куда шла», «А она думала, ее правда кино смотреть позвали?»¹⁴;**

---

¹²

<https://scholarship.law.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://scholar.google.com/&httpsredir=1&article=1969&context=scholar>

¹³

https://www.researchgate.net/profile/Carrie_Rentschler/publication/263155387_Rape_Culture_and_the_Feminist_Politics_of_Social_Media_links/59ecea37aca272cddde05c57/Rape-Culture-and-the-Feminist-Politics-of-Social-Media.pdf

¹⁴

<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864>

● нормализация насилия в массовой культуре – убеждение, что насилие является обычной и даже забавной частью жизни, которое люди распространяют через визуальные и кинематографические образы¹⁵, юмор¹⁶ и пр.;

● обезличивание насилия – отказ фокусировать внимание на личности агрессора при обсуждении ситуаций насилия (от новостных заголовков вроде «За что и как была убита женщина доцента Соколова» до прямо высказываемой мысли «Зачем обсуждать насильника, с ним и так все понятно, давайте лучше поговорим о том, что неправильного было в поведении жертвы»);

● виктимизация определенных групп людей – распространенное убеждение, что насилие допустимо¹⁷ в отношении некоторых групп людей: детей («Поменьше корми, побольше пори – человеком вырастет»), женщин («Бей бабу молотом, будет баба золотом»), сексуальных меньшинств и т. д.;

● романтизация агрессии – трансляция стереотипа о том, что в романтических отношениях нормально «завоевывать» и «добиваться» партнера, игнорировать отказ и т. п.

---

¹⁵ <http://socis.isras.ru/article/7292>

¹⁶ <https://lenta.ru/articles/2019/05/21/badhumor/>

¹⁷ <https://www.svoboda.org/a/29958270.html>

Модель «Нет значит нет»

С развитием феминистского движения все больше стали обсуждать проблему незащищенности женщин от разных видов насилия, в первую очередь сексуального. В результате исследовательницы предложили новую модель отношений, лозунгом которой стало «Нет значит нет».

Это означает, что для того, чтобы один человек прекратил как-либо воздействовать на другого, должно быть достаточно вербального несогласия второго. Продолжение воздействия (нежелательные прикосновения, двусмысленный разговор и т. п.) вопреки возражениям человека в такой системе однозначно маркируется как насилие.

Эта норма – ответ на принятое в обществе пренебрежение к женскому сопротивлению, которое транслируется многочисленными культурными стереотипами. Его можно увидеть как в обывательском «Женское "нет" означает "да"», так и в псевдопсихологическом «Все девушки знают международный женский язык: "нет" означает "может быть", "может быть" – "да"».

Формула «Нет значит нет» может применяться не только в отношении женщин: уважение к отказу вполне вписывается в норму детско-родительских, партнерских, межкультурных и других отношений.

Но эта модель имеет существенный недостаток: оказа-

лось, что в силу различных обстоятельств жертва насилия не всегда может сказать нет. Это может быть невозможно по чисто физиологическим причинам: например, когда насильник подмешивает наркотики в напиток жертвы, после чего ее сознание отключается.

Однако гораздо чаще причины, по которым жертва не может сказать свое «нет», психологические: если озвучена (или подразумевается) угроза ее жизни и здоровью; если насильник давит авторитетом или статусом; если она уверена в собственной беспомощности и т. п.

Можно ли считать добровольным сексуальный акт в подворотне, если он предваряется небрежным поигрыванием пистолетом? А растление девочки-подростка отцом, от которого зависит ее жизнь в ближайшие пять-шесть лет? В этих случаях слово «нет» может и не прозвучать, ведь, произнесенное вслух, оно может стать спусковым крючком агрессии и усугубить страдания жертвы.

Модель «Да значит да»

Учтя недостатки формулы «Нет значит нет», активисты предложили новую модель определения границ насильственного воздействия – «Да значит да».

В этой модели взаимодействие считается допустимым только тогда, когда все его участники выразили явное и осознанное согласие с его содержанием и формой.

Таким образом, границы определения насилия снова сдвинулись. Теперь под него подпадают, например, сексуальные действия взрослого человека с женщиной, лежащей в коме, или с малолетней девочкой (в первом случае из-за невозможности дать явное согласие, а во втором из-за недостаточной осознанности решений, принимаемых ребенком).

Новая формулировка дает возможность разграничить не только физическое, но и психологическое воздействие.

Яркий пример насильственной коммуникации, происходящей без реального контакта участников, – феномен дикпиков, когда мужчины без запроса отправляют адресату фотографии гениталий.

В парадигме культуры насилия это действие называют шуткой (в лучшем случае с оговоркой «возможно, она неудачная»). Однако с точки зрения новой культуры – культуры согласия – оно однозначно расценивается как грубое домогательство и маркируется как недопустимое.

Как изменилось понятие насилия в законах

Система общественных взглядов изменилась – пришлось скорректировать и правовые нормы¹⁸. В ряде стран изменилось уголовное законодательство в части определения поня-

тия «изнасилование»: так, в США пересмотрели¹⁹ норму, по которой изнасилованием считался половой акт, совершенный с женщиной вопреки ее физическому сопротивлению.

С 2012 года американское законодательство стало наконец учитывать, что жертвы могут 1) быть обоих полов, 2) не оказывать сопротивления насильнику (из-за страха, физиологически обусловленной реакции ступора или ограниченных возможностей здоровья).

Израильский закон признает²⁰ изнасилованием половой акт, согласие на который получено обманом (например, если врач уверяет, что совершает его в терапевтических целях, или если человек намеренно выдает себя за кого-то другого). Таким образом, в правовую систему вводится важное правило: согласие должно быть не только добровольным, но и информированным.

Больше всего обсуждают шведскую трактовку²¹. С 1984 года в Швеции понятие «жертва изнасилования» применяется и к женщинам, и к мужчинам; с 2005 года изнасилованием считается секс с людьми, не достигшими «возраста согласия», с 2013-го – секс с использованием не только бессознательного, но и уязвимого состояния потерпевшего или потерпевшей.

---

¹⁹ https://www.bbc.com/russian/society/2012/01/120106_men_victim

²⁰ <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-iznasilovaniya>

²¹ <https://www.colta.ru/articles/society/22744-kak-v-shvetsii-rabotaet-zakon-o-seksualnom-soglasii>

Однако самые громкие споры вызвала норма, которая вступила в силу 1 июля 2018 года: изнасилованием считается сексуальный акт, на который хотя бы один из партнеров не дал явного и недвусмысленного согласия. Причем это согласие может быть отозвано в любой момент.

На практике это означает, например, что обвинение в насилии может быть предъявлено в ситуации, когда женщина дала согласие на вагинальный секс, но ее партнер неожиданно приступил к анальному или решил принудить ее к БД-СМ-практикам.

Шведский закон много критикуют: его противники обращают внимание на ряд этических проблем, которые возникают из-за пересмотра правовых норм, – например, вопрос о правах людей с ментальной инвалидностью²². По закону, согласие недееспособного человека на секс нельзя считать в полной мере информированным и взвешенным. Тогда получается, что интимные отношения людей с психическими расстройствами незаконны.

Неясным остается и вопрос, как разграничить действительно добровольное и «вынужденное» согласие²³ – например, когда один из партнеров заявляет, что секс является «доказательством» любви и настаивает на переходе к этой

22

<https://www.psychiatrictimes.com/view/discussing-and-assessing-capacity-sexual-consent>

23

<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.834.8059&rep=rep1&type=pdf>

форме близости, играя на чувствах и доверии другого.

Ко вполне закономерным опасениям добавляется и множество мифов, возникающих из-за недопонимания сущности культуры согласия²⁴. Например, многие уверены, что отлично понимают, что такое согласие, и им не нужна дополнительная информация об этом. На практике же нередко оказывается, что «согласием» посчитали тот факт, что жертва насилия ехала в поезде одна: значит, «искала себе приключений»²⁵.

Еще одно распространенное убеждение – что если в законе закрепить запрет на сексуальные отношения без явно выраженного согласия участников, то люди погрязнут в несправедливых обвинениях, выданных задним числом. Впрочем, реальность не подтверждает этих опасений²⁶.

В качестве альтернативы исследователи предлагают другие названия новой культурной парадигмы, например «культура антинасилия»²⁷, избегая обращения к слову «согласие».

Почему это, казалось бы, привычное понятие вызывает так много споров?

---

²⁴ <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00909882.2018.1435900?src=recsys&journalCode=rjac20&>

²⁵ <https://www.the-village.kz/village/city/asking-question/6993-sama-vinovata-pochemu-v-nasilii-udobno-obvinit-zhertvu>

²⁶ <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1648&context=vlr>

²⁷ <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://scholar.google.com/&httpsredir=1&article=1009&context=articles>

Как идея согласия появилась в гуманистической психологии

Термин «согласие» предполагает обращение к отдельно-му человеку как к субъекту взаимодействия, в то время как в традиционной культуре на первом месте групповой субъект: свобода личности строго ограничивалась требованиями и интересами общины – семейного клана, религиозной группы и т. п.

Однако в XX веке эту традицию пересмотрели²⁸ – не в последнюю очередь благодаря развитию идей гуманистической психологии в трудах Ирвина Ялома («Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти»), Эрика Фромма («Человек для себя»), Карла Роджерса («Становление личности. Взгляд на психотерапию») и др. Новая норма предполагает приоритет личной свободы. А значит, границы того, как можно и как нельзя взаимодействовать с конкретным человеком, определяет в первую очередь он сам.

Право на волеизъявление, согласно новой норме, не зависит от принадлежности человека к этнической, религиозной, гендерной, возрастной или другой социальной группе.

Для нас сейчас все это само собой разумеется, однако еще 150 лет назад субъектность признавалась²⁹ только за взрос-

---

²⁸ <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14280684>

²⁹ <https://knife.media/feminism-in-russian-empire/>

лыми мужчинами, но не за женщинами и тем более не за детьми: их жизнь почти целиком зависела от воли родителей или супругов. Впрочем, отношение к женщинам как ко второсортным существам до сих пор распространено³⁰ и на постсоветском пространстве.

Современные психологи рассматривают³¹ согласие как одно из необходимых условий социально-психологической безопасности личности. Если мы вынуждены взаимодействовать (словесно, физически и тем более сексуально) с кем-то против своей воли, это само по себе является опасной, угрожающей психике ситуацией.

Примеры таких ситуаций:

- **врачебные манипуляции, о которых пациента не предупредили или которые совершают вопреки его желанию;**

- **визит в чужой дом без предварительного соглашения;**

- **договорной брак, при котором молодожены впервые видятся непосредственно на свадьбе.**

Фактически во всех этих ситуациях человеку, которого насильно вовлекают в общение, отводится пассивная роль. Такой процесс объективации может обернуться разрушительными последствиями для психики³².

---

³⁰ <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17330517>

³¹ <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17330517>

³² <https://static1.squarespace.com/static/5aa023a785ede124ff075b89/>

Любопытно, что философская трактовка термина «культура согласия»³³ выходит далеко за пределы не только сексуальных, но и вообще межличностных отношений. Ученые связывают³⁴ его появление с нарастающей глобализацией, из-за которой социальные нормы размываются и смешиваются.

В условиях, когда участники диалога (отдельные индивиды, группы или целые сообщества) могут общаться в режиме реального времени, физически находясь на разных континентах, нет универсальных правил «правильного» поведения – слишком велики культурные различия.

Единственная возможность выстроить взаимодействие, которое устроит всех участников, – осознанно относиться к ситуации здесь и сейчас, выражать активное согласие с тем, по какому принципу строится общение и что делают и говорят собеседники.

Примером такого диалога может быть виртуальная группа поддержки (например, материнская), члены которой делятся собственным травматическим опытом, могут выразить друг другу сочувствие, поделиться своими способами выхода из сложных ситуаций. Все это предполагает уязвимость участников, поэтому такие сообщества часто формулируют своды

<http://5b919a434d7a9ccbe86fac29/1536268873854/Objectification+Theory+Toward+Understanding+Women%27s+Lived+Experiences+and+Mental+Health+Risks.pdf>

³³ <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-soglasiya-v-kontekste-suschestvovaniya-sovremennogo-cheloveka>

³⁴ http://ecsocman.hse.ru/data/585/191/1217/003-Aliev_M.G.pdf

правил поведения в группе.

Как правило, в безопасных пространствах приветствуются формулировки, которые соответствуют принципам ненасильственного общения:

- эмоциональная поддержка участников («Сочувствую вашему горю!»);

- выражение собственных чувств в формате «я-сообщений» («Мне очень жаль, что вам пришлось это пережить»);

- описание собственного опыта («Когда у меня была похожая проблема, мне помогла работа с психологом»);

- предложение посильной помощи («Если хотите с кем-то поговорить, я могу дать свой телефонный номер»).

Недопустимыми обычно считаются:

- осуждение и обесценивание («Вы обыкновенная лентяйка, вот и выдумываете себе проблемы на ровном месте!»);

- советы из «экспертной позиции» («Вам надо просто полюбить себя, и все сразу пройдет!»);

- пассивная агрессия в адрес других участников («Конечно, легче в интернете ныть, чем работать над собой!»).

Предполагается, что человек, который присоединяется к сообществу, согласен с правилами взаимодействия в группе.

Озвучивание норм, которые действуют в конкретном месте в конкретное время, позволяет создать сравнительно безопасное пространство для общения.

Однако даже в таких, казалось бы, прозрачных условиях регулярно возникают споры: новые участники осознанно нарушают установленные границы, пользуясь, как правило, стандартным аргументом: «Я же вам добра желаю!». Под видом добра подаются непрошенные оценки и советы в адрес членов или модераторов сообщества.

За подобные выпады обычно предусмотрено наказание – от замечаний до бана. Впрочем, в реальной жизни «доброжелателей» тоже хватает, но уйти от насаждаемых поучений сложнее, чем в сети.

Почему идея согласия встречает сопротивление в обществе

В основе идеи согласия лежит более глубокий принцип либерального индивидуализма. Он включает в себя идею плюрализма и равноценности различных мнений, ценностей и культур³⁵: никакое из мировоззрений не является «более правильным» по отношению к другим. В таких условиях разные люди и общности смогут мирно сосуществовать, только если есть равноправная договоренность, которая устанавливает приемлемые для всех «правила общежития».

---

³⁵ <https://www.phisci.info/jour/article/view/1028/982>

У сторонников коллективизма и авторитаризма отсутствие единой или даже «национальной» идеи («единственно правильной»!) может вызвать весьма неприятное ощущение дезориентации.

В 2017 году 40 % россиян, по оценкам «Левада-центра», выступают в пользу «сильной руки» во власти³⁶, и их число продолжает расти – в 2020 году таких было уже 49 %³⁷. Как правило, там, где вопрос решается с позиции сильного, согласие тех, кто стоит ниже в социальной иерархии, не учитывается при принятии решений – даже если эти решения касаются их напрямую.

Удивительно ли, что идея о том, что до начала общения следует заручиться согласием его участников (даже если они заведомо слабее), встречает активное сопротивление и на бытовом уровне?

Однако преимущество культуры согласия в том, что, если она принята за базовую норму, каждый человек вправе не только соглашаться на общение, но и отказываться от того, что ему не нравится.

Иными словами, мы можем обозначить свои границы (например: «Не надо на меня повышать голос», «Продолжать беседу в таком тоне я не буду») и прервать общение – или вообще не вступать в контакт, если границы не соблюдаются.

---

³⁶ https://tvrain.ru/news/silnaya_ruka-452512/

³⁷ <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/02/24/823697-rossiyan-neobhodimosti>

В итоге все остаются в выигрыше: любители пожаловаться на жизненные трудности утешают друг друга, а те, кому это кажется «бессмысленным нытьем», соревнуются в достижениях с единомышленниками.

Базовые принципы согласия

Философ Марина Меняева в диссертации «Культура согласия: сущность, становление, воспроизводство»³⁸ называет важнейшие признаки такой культуры:

- **мирный путь разрешения противоречий;**
- **сознательное, добровольное, совместное принятие решений;**
- **институциональное закрепление согласия как важнейшего регулятора коммуникации.**

Принципиально важен также постулат о том, что согласие или несогласие с теми или иными нормами, правилами и ценностями становится для человека способом осознания своего «я».

Культура насилия, в которой главенствует принцип «делай, что приказано», игнорирует и подавляет личность. А культура согласия побуждает к рефлексии – главному механизму духовного развития.

Акт согласия тесно связан³⁹ с проявлением доверия, а значит, и с принятием определенных рисков. С одной стороны, согласие с другим человеком – это обязательное условие сотрудничества для достижения общей цели. С другой стороны, давая согласие, мы ожидаем, что партнер по общению будет вести себя согласно договоренности, и, если они неожиданно нарушаются, оказываемся в уязвимом положении.

Именно поэтому тема согласия в сексе привлекает особенное внимание. В других областях (финансовых, экономических, политических и т. п.) риски нарушения договоренностей страхуются с помощью официальных документов и свидетельств.

Интимная же сфера таит в себе множество теневых сторон: открытое обсуждение сексуального опыта табуировано, риски, которые несут партнеры при гетеросексуальном контакте, неравноценны, а в обществе существует множество гендерных стереотипов и заблуждений.

Получается, что для того, чтобы секс был по-настоящему безопасен для партнеров, нужно полностью перестроить отношение общества к вопросам телесности, ответственности за контрацепцию, уважения личных границ при применении различных практик.

Модель таких новых отношений хорошо раскрывается в

---

³⁹ <https://bit.ly/34BkoyG>

просветительском видеоролике «Чай и согласие»⁴⁰, который выпустила британская полиция.

Понятно, что нельзя поить человека чаем, если он не хочет пить или лежит без сознания – даже если до этого вы уже пили вместе чай или он пил чай со множеством разных людей. Почему же это перестает быть очевидным, когда речь заходит о сексе?

Пора признать, что во всех сферах жизни новые нормы общения давно стали реальностью. Невиданная раньше доступность кого угодно кому угодно в любое время вынудила людей выстраивать новые границы виртуального и реального взаимодействия. Согласие уже давно не опция по умолчанию (раз оказался в зоне досягаемости, значит, согласен на разговор), а отдельный акт доброй воли, который нужен всякий раз, когда контакт возобновляется или переходит на следующий уровень близости.

Хороший пример – фраза «Тебе удобно говорить?», появившаяся в эпоху мобильной связи.

Во времена, когда телефонный разговор был привязан к конкретному месту – дому или работе, где был установлен проводной аппарат, – сам факт того, что собеседник взял трубку, уже означал согласие на разговор. Сегодня, когда звонок может застать нас где угодно, вопрос о согласии на общение становится необходимым элементом телефонного этикета.

---

⁴⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=pZwvrXVavvQ>

Более того, при переходе в личном общении на тему, которая может ранить или обидеть собеседника, отсутствие фразы вроде «Тебе сейчас удобно об этом говорить?» все чаще расценивается как грубое нарушение границ.

Мир изменился и продолжает меняться. Глобализацию, информатизацию и гуманизацию общества уже невозможно отменить: они влияют на все сферы жизни.

В новой парадигме целью человечества становится не воспроизводство идеальных винтиков общества, живущих «как положено», хотя бы они того или нет, а воспитание чувства внутренней свободы и творческой реализации каждого человека⁴¹. А это невозможно без взаимного уважения к волеизъявлению и мировоззрению других людей.

---

⁴¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-i-budushee-rossii/viewer>

Анастасия Бабаш

«Задержитесь после пары»: нужно ли запретить любовь и секс студентов с преподавателями?

Сексуальные скандалы в вузах России и за рубежом то и дело мелькают в новостной ленте, а соцсети в ответ неизменно сотрясает буря гневных комментариев. Внеклассные отношения преподавателей и студентов – этическая серая зона: непонятно, как оценивать их с моральной точки зрения. Почему так сложно формализовать нормы отношений в университетах, что об этом говорят философы и каковы основные аргументы за и против?

Согласно статистике Pornhub 2014 года⁴², преподаватель – самая сексуальная профессия, опередившая даже медсестер и полицейских (в 2020-м порнороликов по тегу teacher на сервисе 14 000, а по запросу nurse – 11 355). На форумах пользователи обсуждают, что делать с влюбленностью в молодого преподавателя и как выстраивать отношения, если он ответил взаимностью.

Многие так или иначе сталкивались с любовными отно-

---

⁴² <https://www.pornhub.com/insights/most-searched-for-occupations>

шениями преподавателей и студентов, и не всегда это однозначно хорошие истории: у кого-то знакомый преподаватель женился на студентке и счастлив в браке – но есть истории о сексуальном насилии, манипуляциях и даже убийстве.

Из-за таких полярных сюжетов писать и размышлять про любовь и секс между преподавателями и студентами сложно: личные истории и сильные эмоции затрудняют поиск рациональных аргументов. Это одна из причин, почему существует так мало научных статей от философов и этиков на эту тему.

Но все же давайте попробуем взвесить и сравнить аргументы тех, кто одобряет любовь и секс между преподавателями и студентами, и тех, кто запрещает, – чтобы наконец поставить запятую в предложении «разрешить нельзя запретить».

Разрешить, нельзя запретить

Этика заботы: неравноправное не значит нездоровое

Если мы взялись проанализировать этичность отношений между преподавателями и студентами, то первое, что нужно сделать, – отделить в этих отношениях те аспекты, которые проблематичны сами по себе и могут возникнуть не только

в университете, от тех, которые специфичны именно для образовательных институций.

Современный американский философ Эндрю Кания предлагает⁴³ посмотреть на такие отношения, построенные по принципу взаимного согласия. Предположим, что романсы преподавателей со студентами обходились бы без насилия, сексуальных домогательств, принуждения, обмана и измен (по отношению в том числе к третьим лицам, например к партнерам преподавателя и/или студента) – ведь все это может происходить между любыми другими людьми и вне университетской иерархии. Разве плохи счастливые отношения сами по себе?

На эти аргументы обычно возражают, что насилие и домогательства случаются чаще в отношениях людей, стоящих на разных ступенях иерархии, потому что они изначально построены на неравноправии.

Но Эндрю Кания напоминает, что «неравноправные отношения» вовсе не значит «нездоровые», ведь они не только типичны, но и нормальны для человеческого сообщества.

И хотя они действительно создают почву для злоупотреблений, но они могут быть иерархичными и при этом мирными, заботливыми и ненасильственными:

● во-первых, мы сталкиваемся со множеством вертикальных отношений в своей жизни. Это и родитель – ребенок, босс – подчиненный, психотерапевт –

---

⁴³ https://digitalcommons.trinity.edu/phil_faculty/183/

клиент, и даже в любовных отношениях бывают периоды, когда один партнер может зависеть от другого материально или психологически. Мы не заявляем, что такие отношения всегда нездоровы сами по себе просто потому, что они происходят в иерархическом контексте;

● во-вторых, не каждый, кто имеет власть, обязательно будет использовать ее, чтобы принудить к сексу тех, кто ниже по статусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.